



## ПОМНИ ЧЕРНОБЫЛЬ: 40 ЛЕТ КОЛЛЕКТИВНОМУ ПОДВИГУ ЕДИНОГО СОВЕТСКОГО НАРОДА

*К 40-й годовщине со дня Чернобыльской аварии — одной из крупнейших техногенных катастроф XX века — особое значение приобретает осмысление не только ее причин и последствий, но и масштаба коллективного подвига, позволившего локализовать ее разрушительный потенциал. С момента трагедии 26 апреля 1986 года прошло 40 лет, однако Чернобыль по-прежнему остается символом не только технологических рисков, но и уникальной способности общества к мобилизации в условиях чрезвычайной угрозы.*

Авария на четвертом энергоблоке Чернобыльской атомной электростанции произошла в 01:23 в ходе прове-

дения испытаний. Взрыв разрушил активную зону и привел к пожару, продолжавшемуся более недели. По оценкам МАГАТЭ и UNSCEAR, в атмосферу было выброшено до 5–7% радиоактивного инвентаря реактора, включая изотопы йода-131, цезия-137 и стронция-90.

Вместе с тем вопрос о точных причинах аварии остается предметом научных дискуссий. В различных исследованиях подчеркивается сочетание факторов — конструктивных особенностей реактора, особенностей регламента эксплуатации и человеческого фактора. Однако в полной мере реконструировать все обстоятельства, приведшие к катастрофе, до сих пор

не представляется возможным. Ряд аспектов аварии остается дискуссионным, а интерпретации причин варьируются.

Уже в первые часы после аварии стало очевидно, что масштабы происшествия выходят далеко за пределы локального инцидента. В этих условиях Советский Союз развернул одну из крупнейших в мировой истории операций по ликвидации последствий техногенной катастрофы.

Общее число ликвидаторов, принимавших участие в работах в 1986–1990 годах, по различным оценкам, составило от 600 до 830 тысяч человек.

*Продолжение на стр.2*

*Продолжение. Начало на стр. 1*

В их число входили военнослужащие, сотрудники МВД, пожарные, инженеры, шахтеры, строители, ученые, медицинские работники и специалисты гражданской обороны. Только в 1986 году в зоне работ побывало около 240 тысяч человек, причем многие из них работали в условиях повышенного радиационного риска.

Особое место в ликвидации занимают пожарные подразделения, первыми прибывшие на место аварии. Уже в течение первых часов они локализовали возгорание на крыше машинного зала и предотвратили распространение огня на третий энергоблок. Эти действия существенно снизили вероятность дальнейшей эскалации катастрофы.

Значительную роль сыграли и военнослужащие, выполнявшие работы по очистке крыши реактора от радиоактивных обломков. Из-за высокой радиации техника часто выходила из строя, и ключевые операции приходилось выполнять вручную, с ограничением времени пребывания на крыше до 40–90 секунд. За короткий период через эти работы прошли тысячи человек.

Одним из наиболее сложных инженерных проектов стало сооружение объекта «Укрытие» («саркофага») в 1986 году. В строительстве участвовало более 90 тысяч человек, а общий объем использованных материалов включал около 400 тысяч кубометров бетона и свыше 7 тысяч тонн металлических конструкций. Работы велись в условиях высокого радиационного фона, что требовало строгой регламентации времени пребывания и постоянного дозиметрического контроля.

Не менее масштабной задачей стала эвакуация населения. Уже 27 апреля 1986 года началась эвакуация города Припять, где проживало около 49,5 тысяч человек. Операция была проведена менее чем за 4 часа с использованием более 1200 автобусов. В течение мая 1986 года была завершена эвакуация населения из 30-километровой зоны — всего около 116 тысяч человек.

В последующие годы масштабы переселения значительно расширились. По данным различных исследований, общее число людей, переселенных из загрязненных территорий Украины, Беларуси и России, составило более 350 тысяч человек. Только в Беларуси было отселено свыше 130 тысяч человек, в Украине — около 90 тысяч, в РСФСР — десятки тысяч жителей Брянской области.

Ключевой особенностью советского подхода стало обеспечение переселенцев жильем. В короткие сроки были развернуты масштабные программы жилищного строительства. В 1986–1990 годах для переселенцев было построено сотни тысяч квадратных метров жилья, включая многоквартирные дома и индивидуальные жилые строения.

Отдельного внимания заслуживает строительство города Славутич, основанного в 1986 году как новый центр проживания работников Чернобыльской АЭС. В строительстве города участвовали восемь союзных республик, каждая из которых возводила отдельные кварталы, что стало уникальным примером межреспубликанской кооперации. Уже к 1988 году в городе проживало более 20 тысяч человек.

Помимо нового строительства, широко использовался механизм расселения в существующем жилом фонде. Переселенцам предоставлялись квартиры, обеспечивалось трудоустройство, доступ к медицинскому обслуживанию и образовательным учреждениям. Были введены специальные

льготы, включая денежные компенсации, дополнительные отпуска, досрочные пенсии и программы медицинского наблюдения.

Важно отметить, что эвакуация и переселение проводились в условиях ограниченного времени и высокой неопределенности. Тем не менее, государству удалось избежать масштабного социального кризиса среди переселенцев, что во многом стало результатом централизованного управления и мобилизационного перераспределения ресурсов.

Сравнение с аварией на АЭС «Фукусима-1» в 2011 году позволяет выявить различия в институциональных моделях реагирования. В Японии было эвакуировано около 160 тысяч человек, однако значительная часть из них на протяжении длительного времени оставалась в статусе временно перемещенных лиц. Многие проживали в модульных домах или временном жилье в течение нескольких лет.

Процесс компенсаций и переселения в Японии был во многом завязан на деятельность частной энергетической компании TEPCO и страховые механизмы. Это привело к затяжным судебным разбирательствам и бюрократическим процедурам. В результате полное восстановление условий жизни растянулось на годы, а часть эвакуированных так и не вернулась к прежнему уровню социальной стабильности.

В советском случае, напротив, доминировал принцип прямой государственной ответственности за судьбу пострадавшего населения. Это обеспечивало более высокую скорость принятия решений и реализацию масштабных программ переселения и строительства.

Чернобыльская катастрофа стала также важным импульсом для развития науки. Были сформированы новые направления в радиационной медицине, экологии и эпидемиологии. В работах по изучению последствий участвовали ведущие научные центры СССР, включая Институт биофизики, Курчатовский институт и медицинские учреждения союзного уровня.

Несмотря на объективные трудности, включая дефицит информации в первые дни и недостаточную оснащенность отдельных подразделений, ликвидация последствий Чернобыля в целом позволила предотвратить значительно более тяжелые последствия. В частности, удалось избежать дальнейшего разрушения реактора и распространения радиоактивных материалов в еще больших масштабах. Таким образом, Чернобыль представляет собой не только крупнейшую техногенную катастрофу, но и пример беспрецедентной по масштабам мобилизационной операции. Участие сотен тысяч людей, координация между союзными республиками, быстрое развертывание инфраструктуры и обеспечение населения жильем свидетельствуют о высоком уровне организационных возможностей советского общества.

Через 40 лет после трагедии становится очевидно, что ликвидация последствий Чернобыля была не только технической задачей, но и социальным феноменом. Это был последний крупный пример коллективного действия такого масштаба, в котором решающую роль сыграли солидарность, дисциплина и готовность к самопожертвованию. Чернобыль остается важной частью исторической памяти и научного анализа, напоминая о границах технологического прогресса и одновременно — о возможностях общества отвечать на вызовы беспрецедентного масштаба.

Это был последний подвиг многонационального советского народа.

# СООТЕЧЕСТВЕННИКИ ЗА РУБЕЖОМ

## В КАЗАХСТАНЕ ПРОШЛА МАСШТАБНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ АКЦИЯ «БЫТЬ ДОСТОЙНЫМ ПАМЯТИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ»

В области Жетысу состоялась масштабная благотворительная акция «Быть достойным памяти Великой Победы», направленная на благоустройство мест захоронений ветеранов Великой Отечественной войны. Инициатором уже второй год выступает ОО «Алматинское областное славянское движение». К акции присоединились волонтеры и общественные организации, включая Воскресную школу Талдыкорганского благочиния, активистов Lider.kz и Центра поиска пропавших людей.

Участников объединило стремление сохранить историческую память и выразить уважение поколению победителей. В течение двух дней были очищены территории кладбищ, приведены в порядок памятники и ограды, обновлена краска, выровнены надгробия. Забота о могилах ветеранов, оставшихся без родных, стала важным проявлением гражданской ответственности и человеческой солидарности — живым знаком благодарности за подвиг и Победу.

## АРГЕНТИНА: XIX СТРАНОВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИЙСКИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ

В Аргентине прошла XIX Страновая конференция организаций российских соотечественников под девизом «Многообразие народов России. Объединяем сердца за рубежом», приуроченная к объявленному в РФ Году единства народов. Организаторами выступили Координационный совет организаций российских соотечественников (КСОРС) Аргентины при поддержке Посольства России и Русского дома. В работе конференции приняли участие представители 23 организаций диаспоры (в ходе мероприятия была принята 24-я — «Русское Землячество в Барилоче»). Заседания проходили в смешанном формате — очно и онлайн. По итогам конференции единогласно приняты резолюция и заявление, а также подтверждена подготовка к празднованию 9 Мая и проведению акции «Бессмертный полк». Участники подчеркнули намерение укреплять связи с исторической Родиной и развивать гуманитарное сотрудничество с Аргентиной.

## НИКАРАГУА: ПРАВОСЛАВНЫЕ ТРАДИЦИИ ОБЪЕДИНЯЮТ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ЗА РУБЕЖОМ

В Никарагуа, в городе Матагальпа, в Русской православной церкви Святого Иоанна Максимовича состоялась торжественная пасхальная литургия. В богослужении приняли участие Посол России Михаил Леденев, российские соотечественники и представители местной общины.

Праздничная служба объединила участников в атмосфере духовного единства и тепла. Совместная молитва и участие в пасхальном богослужении стали напоминанием о Воскресении Христовом как источнике надежды, радости и внутренней силы, укрепляющем связи между людьми и культурами.

## В РИМЕ ПРОШЁЛ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ДЕТСКИХ ТЕАТРОВ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ

В Риме прошёл международный фестиваль детских театров с участием юных соотечественников из шести стран. Организаторами выступили учебно-методический центр «Русский мир» под руководством Натальи Гориной и детский музыкальный театр «Галактика» при поддержке Русского дома в Риме.

На сцену вышли 48 участников в возрасте от 6 до 18 лет. Театральные коллективы представили собственные интерпретации известных сказок и современных произведений, продемонстрировав творческий подход, национальный колорит и глубокий идейный подтекст.

В фестивале приняли участие коллективы из Рима, Афин, Парижа, испанской Дении, Мальты, Салоник и Вены, что подчеркнуло широкую географию и культурное разнообразие русскоязычного театрального сообщества за рубежом.



## КОСМОНАВТЫ БЕЗ СКАФАНДРОВ: СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ В РУССКОМ ДОМЕ В ВЕНЕ

В Российском центре науки и культуры в Вене прошла выставка «Советская космонавтика. Семейные истории», приуроченная к Всемирному дню авиации и космонавтики. Экспозицию посетили представители Европейского фонда славянской письменности и культуры, для которых проект стал частью программы культурного сотрудничества.

Организаторы подчёркивают, что центральная идея выставки — показать советских космонавтов не только как героев эпохи больших свершений, но и как людей с их семейной жизнью, эмоциями и личной историей. Важными ценностными акцентами проекта стали уважение к наследию советской космонавтики, бережное отношение к исторической памяти и стремление говорить о науке через человеческое измерение.

Экспозиция включает подлинные архивные снимки из фондов Русского дома и Российского центра науки и культуры, сделанные фотокорреспондентами ТАСС и Агентства печати «Новости» в 1950–1980-е годы, а также фотографии из семейных альбомов космонавтов. На них — Юрий Гагарин, Валентина Терешкова, Светлана Савицкая, Герман Титов и другие участники космической программы в кругу близких, в неформальной обстановке, в редкие минуты отдыха и встреч с коллегами.

# СИЛА ДЕТСКОЙ КНИГИ: С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ЧЕЛОВЕК



2 апреля во всём мире отмечают Международный день детской книги — дату, приуроченную ко дню рождения великого сказочника Ханса Кристиана Андерсена. Эта дата появилась не случайно: именно Андерсен показал, что детская литература может быть не примитивным «поучением в картинках», а большим искусством, говорящим с ребёнком о самых серьёзных вещах — страхе и храбрости, одиночестве и дружбе, несправедливости и милосердии. Через эту точку принято смотреть и на судьбу детской литературы в разных странах, в том числе в России, где детская книга стала одним из ключевых культурных инструментов воспитания и просвещения.

Русская детская литература вступает в XX век с мощным наследием: от народной сказки и Крылова до Некрасова, Ушинского, Толстого. Но именно в советский период она превращается в самостоятельный, чрезвычайно влиятельный феномен. В стране, ориентированной на всеобщую грамотность и массовое образование, детская книга становится стратегическим ресурсом: через неё ребёнок учит читать и думать, но одновременно формируют образ мира, представления о добре и зле, о справедливости, товариществе, труде. Писательство для детей становится делом государственной важности — и в него приходят авторы первого ряда. Если Андерсен в Европе переосмысливает сказку, соединяя фантастику с психологической глубиной, то в России XX века детская книга идёт сразу по нескольким линиям. С одной стороны, развивается собственная сказочная традиция — от сказок Алексея Толстого на основе народных сюжетов до авторских миров Григория Остера, Эдуарда Успенского, Кира Булычёва, где фантастика и юмор уживаются с очень точным наблюдением над реальной жизнью. С другой — возникает мощная линия реалистической детской прозы о школе, дворе, семье, коллективе: Носов, Драгунский, Голявкин, Агния Барто в стихах. В этих текстах почти всегда присутствует уважение к ребёнку как к самостоятельной личности, а не к «маленькому взрослому», которому надо просто прочитать лекцию.

Важно и то, что русская детская книга почти всегда несёт в себе воспитательный, ценностный заряд, но при этом избегает прямолинейной назидательности. Даже когда речь идёт о вполне очевидной морали — не врать, не предавать, не бросать товарища, уважать труд, — она подаётся через сюжет, через переживание героя, через юмор и игру. Носовские мальчишки из «Фантазёров», «Витя Малеев в школе и дома» или «Незнайка» гораздо убедительнее любого плаката показывают, что значит дружба, честность, ответственность. Успенский через Чебурашку и крокодила

Гену говорит о принятии «другого» и силе общности. Булычёв через приключения Алисы Селезнёвой показывает, что наука, любознательность и смелость — не только для взрослых мужчин в белых халатах, а для любого ребёнка.

Международный день детской книги — удобный повод посмотреть и на то, как русская детская литература вписана в мировой контекст. С одной стороны, дети в СССР и постсоветской России читали Андерсена, братьев Grimm, Линдгрена, Экзюпери — это был обязательный «общечеловеческий» корпус. С другой — сами русские и советские авторы становились частью международного культурного пространства. Образы Буратино, Незнайки, Чебурашки, «Электроника» или Алисы узнаваемы далеко за пределами России, а переводы Носова, Успенского, Маршака, Чуковского издавались во множестве стран. Особенность русской детской книги в том, что она соединяет сильную национальную культурную традицию (фольклор, православные мотивы, классику XIX века) с универсальными темами детства — страхом остаться одному, жаждой признания, мечтой о полёте и путешествии.

Отдельная грань — книга как предмет и как среда. В СССР детская книга была частью большой государственной политики: существовали специализированные издательства, журналы для детей и подростков, системы библиотек, кружков чтения. Иллюстрация становилась полноправным соавтором текста: работы Сутеева, Конашевича, Лебедева, Чарушина, Каневского, Траугот превращали книгу в визуальный мир, куда ребёнок заходил как в театр. Через книгу ребёнок не только узнавал буквы, но и приучался к эстетике, к чувству формы, цвета, композиции. В этом смысле русская детская книга — это ещё и школа вкуса.

Сегодня, когда цифровые технологии и клиповое мышление конкурируют с чтением, значение детской книги отнюдь не снижается — скорее наоборот. Бумажная книга, хорошее издание, вдумчивый текст и качественная иллюстрация становятся противовесом против размывания внимания и обесценивания слов. Именно на детской литературе особенно ярко видно, что книга — не просто носитель информации, а опора идентичности. Через сказки, рассказы, стихи ребёнок незаметно для себя усваивает язык — со всеми его нюансами и интонациями, — историю и мифологию своей страны, образ справедливости, представления о том, что значит «быть хорошим человеком». 2 апреля, в день рождения Андерсена, уместно говорить о том, что русская детская книга — это часть большого семейства мировой детской литературы, но с собственным, узнаваемым лицом. Она всегда была ориентирована не только на развлечение, но и на формирование человека — гражданина, товарища, профессионала, человека культуры. И пока в домах и библиотеках живут книги Носова, Барто, Чуковского, Маршака, Успенского, Булычёва, пока выходят новые сильные тексты для детей, у культуры есть шанс передать дальше то, что невозможно вложить ни через один гаджет: живой человеческий опыт, доверие к слову и ощущение того, что книга — это не скучная обязанность, а приключение, которое может длиться всю жизнь.

# «РЫЦАРЬ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА»: К 140-ЛЕТИЮ НИКОЛАЯ ГУМИЛЁВА



15 апреля исполняется 140 лет со дня рождения Николая Степановича Гумилёва (1886–1921) — поэта, переводчика, критика, путешественника и офицера, чья судьба и творчество стали одной из самых драматичных и в то же время ключевых страниц русской культуры Серебряного века. Юбилей позволяет увидеть в Гумилёве не только «легенду» с набором устойчивых мифов, но и живого участника большого историко-литературного процесса, в котором решались вопросы о роли поэта, о границах свободы и ответственности слова, о месте России в мире.

Будущий поэт родился в Кронштадте, в семье корабельного врача, однако детские и юношеские годы были связаны прежде всего с Царским Селом — пространством, насыщенным пушкинской мифологией, памятью о «золотом веке» русской поэзии. Это не просто биографическая деталь: раннее вхождение в культурно нагруженное пространство формировало у Гумилёва особое чувство призвания. Уже в гимназические годы он пишет стихи, мечтает о литературной славе, переживает болезненное ощущение несоответствия между внутренней жизнью и обыденной реальностью. Это напряжение между «миром подвига» и «миром обыденности» впоследствии станет одним из главных нервов его поэтики.

Ранние публикации Гумилёва выглядят неравными, местами подражательными, но в них уже заметно стремление к точному слову, к чёткому образу, к ясному, почти осязаемому миру. Стремясь выйти за рамки провинциального существования, он отправляется в Париж, поступает в

Сорбонну, пробует себя в роли издателя журнала «Сириус». Попытка оказывается краткосрочной, но симптоматичной: Гумилёв изначально мыслит себя не только как поэта одиночку, но и как организатора литературной жизни, человека, способного формировать вокруг себя среду.

Сборник «Романтические цветы», вышедший в 1908 году, обозначает начало зрелого периода его творчества. Уже здесь видно, как романтическая жажда дальних стран, подвигов, необычайных ситуаций соединяется с всё более твёрдой интонацией, с установкой на мужество и преодоление. Поэт конструирует образ героя, для которого жизнь — это путь, требующий постоянного испытания воли. В отличие от многих современников, склонных к декадентской рефлексии и культуре слабости, Гумилёв выстраивает поэзию силы, активности, деятельного отношения к миру.

Именно эта внутренняя установка в значительной мере определяет его роль как одного из основателей акмеизма — нового направления в русской поэзии 1910-х годов. Акмеизм вырастает из усталости от расплывчатости и туманных символов, из стремления вернуть поэтическому слову точность, предметность, чеканность. Вместе с единомышленниками Гумилёв участвует в создании «Цеха поэтов» — своеобразной «профессиональной гильдии», где поэзия осмысливается как ремесло, требующее обучения, дисциплины и уважения к форме. Этот шаг был принципиален: он выводил поэта из области «непостижимого вдохновения» в пространство сознательной работы, где ценились мастерство, точность и ответственность.

Акмеизм, во многом сформированный усилиями Гумилёва, предлагал иной взгляд на мир по сравнению с символизмом. Если символисты стремились выйти к «сверхреальному», растворяя предметность в намёках и аллюзиях, то акмеисты возвращали читателя к «зримому», «земному» миру, к вещам, жестам, конкретным ситуациям. Для Гумилёва это соответствовало его собственному жизненному опыту: он тяготел не к кабинетному созерцанию, а к действительности, путешествию, испытанию себя и других. Поэт, по его представлению, не уходит от реальности, а вступает с ней в прямой и честный диалог.

Особое место в жизни и творчестве Гумилёва занимают путешествия, прежде всего африканские экспедиции. Они были не экзотическим капризом, а сознательным выбором: поэт искал новые пространства, чтобы проверить себя, расширить горизонты опыта, соприкоснуться с другими культурами. Африка в его поэзии и прозе — не просто «страна диковин», а пространство, где обнажаются фундаментальные качества человека: смелость, страх, верность, предательство, жажда свободы. Там, вдали от привычных европейских декораций, мир предстает в более жёстком и честном виде.

Эти путешествия оказались важны и с точки зрения формирования литературного языка. Гумилёв привносит в русскую поэзию новые географические и этнографические реалии, новые метафоры, связанные с пустыней, саванной, морскими переходами.

*Продолжение на стр.8*

# НАШ ЧЕЛОВЕК В КОСМОСЕ

*«Поехали!» — формула целой эпохи, выражение внутренней готовности огромной страны выйти за пределы возможного. 12 апреля 1961 года, в космос поднимается не только корабль «Восток» с Юрием Гагариным на борту, но и весь накопленный потенциал советского общества, сумевшего всего за полтора десятилетия после окончания Великой Отечественной войны совершить рывок к звёздам*



Особый драматизм и величие этого события становятся понятны только в контексте времени. Страна ещё не завершила полное восстановление после чудовищных потерь войны: миллионы погибших, разрушенные города и заводы, необходимость поднимать промышленность, сельское хозяйство, инфраструктуру почти с нуля. И именно в этих условиях Советский Союз выбирает стратегию не простого «возврата к довоенному уровню», а стремительного движения вперёд — к новым научным и техническим рубежам. Космос становится естественным продолжением этой логики: из оборонной ракетной техники, из опыта военных НИИ и конструкторских бюро вырастает программа, нацеленная уже не только на военный баланс, но и на будущее всего человечества.

Советская система в этих условиях проявляет свои сильнейшие стороны. Она способна концентрировать ресурсы на приоритетных направлениях, обеспечивать массовый доступ к образованию, формировать широкие инженерные и научные кадры, для которых работа в сложнейших отраслях — не случайность, а естественный результат жизненного пути.

Космический проект оказывается вершиной той социальной политики, которая делает возможной вертикальную мобильность «простых ребят» из провинции, рабочих и крестьянских детей, вчерашних учеников техникумов и ремесленных училищ. Он вырастает не из закрытого круга элиты, а из массовой школы, ПТУ, технического вуза, лётного училища, из тех социальных лифтов, которые были встроены в ткань советской повседневности.

Юрий Гагарин — один из самых ярких примеров действия этих лифтов. Родившийся в крестьянской семье в смоленской деревне, переживший на собственном опыте ужасы оккупации, он проходит путь от ученика ремесленного училища до студента индустриального техникума, затем до

курсанта и выпускника лётного училища. В его биографии нет ничего «аристократического» или выдающегося по исходным условиям — наоборот, она типична для поколения, воспитанного на идеалах труда, дисциплины и общественной полезности. Именно поэтому выбор Гагарина в качестве первого космонавта оказался столь символическим: он воплощал собой советского человека в лучшем смысле этого слова — трудолюбивого, собранного, скромного, способного брать на себя ответственность и в то же время остающегося «своим» для миллионов.

Отбор в первый отряд космонавтов был жёстким и многоступенчатым. Рассматривались тысячи личных дел, проводились медицинские обследования, психологические тесты, проверялись лётные характеристики. В конечном итоге был сформирован небольшой коллектив молодых военных лётчиков, каждый из которых по уровню подготовки мог претендовать на право стать первым. На финальном этапе учитывались уже тонкие различия: реакция в стрессовых условиях, устойчивость к перегрузкам и невесомости, способность быстро принимать решения, сохранять самообладание при риске для жизни. Важными были и человеческие качества — товарищество, отсутствие высокомерия, умение работать в коллективе и представлять страну. Современники вспоминали, что Гагарин сочетал в себе спокойную уверенность, чувство юмора и редкое обаяние, которое обезоруживало собеседников.

Решение в пользу Гагарина стало итогом не только врачебных и профессиональных заключений, но и интуиции тех, кто понимал: первый полёт будет иметь колоссальное моральное и политическое значение. Он должен был совершить его человек, который не только выдержит нагрузку, но и станет подлинным символом эпохи — не отталкивающим, а притягательным.

*Продолжение на стр. 7*

*Продолжение. Начало на стр. 6*

В образе Гагарина сошлись сразу несколько линий: крестьянское происхождение, военная служба, инженерно-технический мир, молодость, открытость. Для миллионам людей он становился доказательством того, что советские социальные лифты — не пустые слова.

Сам полёт 12 апреля 1961 года длился всего 108 минут, но в эти минуты была сконцентрирована работа, растянутая на годы и на тысячи километров. Байконур в казахстанской степи, конструкторские бюро в Подмоскowie и на Украине, приборостроительные заводы в Прибалтике и Средней Азии, металлургия Урала и Сибири, научные центры в Москве, Ленинграде, других республиканских столицах — каждый из этих элементов был необходим для того, чтобы корабль «Восток» смог стартовать, выйти на орбиту, выполнить программу и вернуться. Космос не знал национальных границ, но и сама подготовка полёта внутри страны была по сути общесоюзным, наднациональным делом.

В день старта на Байконуре работали сотни людей, для которых эти минуты были итогом всей жизни. За скупыми строчками хроники — долгие месяцы испытаний ракет-носителей, отработки систем аварийного спасения, тренировки космонавтов в центрифугах, барокамерах, на самолётах лабораториях, имитирующих невесомость. Для лётчика, привыкшего держать управление в своих руках, было не просто согласиться с тем, что большую часть функций возьмут на себя автоматика и наземные службы. Но именно доверие к системе, к коллективу инженеров и операторов делало возможным этот шаг.

Космический корабль, стартовая площадка, службы слежения и связи — всё это создавалось как результат не только технологических, но и организационных решений. Советская система умела строить большие проекты, в которых научный замысел, политическая воля и труд миллионов соединялись в единую линию. В отличие от разрозненных, рыночно мотивированных инициатив, космическая программа мыслилась как долгосрочный приоритет, который не подчиняется конъюнктуре. В ней сливались интересы обороны, науки, промышленности, образования и, что немаловажно, моральные ожидания общества.

В этом смысле День космонавтики — это ещё и день единства народов Советского Союза. В создании ракет, систем управления, средств связи и спасения участвовали представители всех союзных республик, самых разных национальностей и конфессий. В отрядах космонавтов, в коллективах НИИ и КБ, на заводах и полигонах работали русские, украинцы, белорусы, казахи, татары, армяне, грузины, представители среднеазиатских и прибалтийских народов. Это не требовало специальных деклараций или квот — так просто работала система, в которой «свой» определялся не по крови или языку, а по участию в общем деле.

Полёт Гагарина стал кульминацией этого чувства общности. Восприятие события в СССР было именно коллективным: люди говорили «мы полетели в космос», «наша страна первая», «наш человек в космосе». Это «мы» было предельно конкретным: за ним стояли и фронтовики, вспоминавшие, как ещё недавно стояли под бомбами; и инженеры, ночами чертившие схемы; и рабочие, оттачивавшие детали; и учителя, готовившие будущее поколение специалистов; и домохозяйки, и школьники, и студенты, для которых этот день становился личным праздником. Космос тем самым

оказывался не абстрактным символом, а продолжением той самой Победы в Великой Отечественной, о которой говорили как о «подвиге народа». Полёт 12 апреля можно рассматривать как новый тип подвига — научно-технического, но по масштабу и коллективности сопоставимого с военными свершениями.

Характерно и то, как мир отреагировал на появление первого человека в космосе. Юрий Гагарин почти мгновенно стал фигурой глобального значения: его улыбка и приветственный взмах руки узнавались в самых разных странах и культурах. Для Запада, привыкшего воспринимать Советский Союз прежде всего через призму идеологического противостояния, этот образ стал неожиданным: не суровый партийный функционер, не обезличенный «военный», а живой, улыбающийся, открытый человек, говорящий простые, понятные слова о мире, дружбе, будущем.

Но под этим внешним образом была простая, очень понятная история: парня из глубинки, который благодаря труду, образованию и общественной системе, выдвинувшей его наверх, стал символом новой эры. Мир полюбил Гагарина именно за это сочетание: он был и официальным представителем сверхдержавы, и в то же время живым, открытым человеком, не потерявшим простоты и человечности под тяжестью всемирной славы. В этом смысле его фигура стала своего рода подтверждением тезиса о том, что за «железным занавесом» живут не абстрактные идеологические конструкции, а люди, способные быть интересными и близкими всему миру.

Советская система, обеспечившая космический рывок, продемонстрировала, что ставка на массовое образование, наукоёмкие отрасли, коллективизм и социальную справедливость способна давать результаты, меняющие конфигурацию мира. Конечно, она не была лишена противоречий и конфликтов, но именно её мобилизационный, социальный и ценностный потенциал превратил послевоенную разруху в стартовую площадку космической эры. Космос стал логичным продолжением идеи о том, что народ, который сумел выстоять в войне и восстановить страну, способен и на новые вершины — теперь уже в науке и технике.

Сегодня, оглядываясь на тот день, важно видеть не только романтический ореол и ностальгию, но и структурный урок. Единство народов, отсутствие иерархии по признаку национальности, готовность работать «за страну» и «за общее дело» создавали ту самую среду, в которой возможны были и победа 1945 года, и полёт 1961 го. Именно это единство, а не только технологические решения, стало «топливом» космического рывка. И потому разговор о будущем — о том, смогут ли народы бывшего СССР снова найти форму сотрудничества и солидарности — неизбежно выходит к памяти о Гагарине и первом полёте.

Опыт советской космонавтики убеждает: там, где люди объединены общей целью и верой в справедливое будущее, где ценится человеческий труд и знание, где национальные различия не используются для взаимной вражды, а становятся источником разнообразия и взаимного обогащения, там становятся возможными подвиги, меняющие ход истории. Возможно, именно осмысление этого опыта и станет основой для нового этапа сближения народов, когда сегодняшние противоречия уступят место общим проектам. И тогда космос вновь станет не аренной соперничества, а пространством совместного движения вперёд.

*Продолжение. Начало на стр. 5*

Его тексты насыщены конкретными деталями — названиями мест, животных, бытовых предметов, — что делает их по особому материальными, осязаемыми. Здесь проявляется в полном объёме акмеистская установка на «вещественность» образа, на то, чтобы слово не туманило, а высекало форму.

Не менее значим военный опыт Гумилёва. С началом Первой мировой войны он добровольцем отправляется на фронт, служит в кавалерийском полку, участвует в боях, награждается Георгиевскими крестами. Для него это был не просто долг подданного, а внутренний выбор: проверить на деле те качества мужества и чести, которые он воспевал в поэзии. В окопах и на передовой его представление о мире проходит через суровую проверку: романтика подвига встречается с реальностью крови, потерь, боли.

Однако и здесь Гумилёв остаётся верен своей этике. В его военных стихах и записях проявляется не восхищение войной как таковой, а уважение к стойкости, верности, способности оставаться человеком в нечеловеческих условиях. Образ «поэта воина» в этом случае не декоративен: за ним стоит реальный опыт человека, который видел смерть в упор и не отказался от идеи внутреннего достоинства. Эта линия придаёт его фигуре особую остроту на фоне части интеллигенции того времени, склонной к эстетизации «надлома» и капитуляции перед хаосом истории.

Помимо поэзии и путешествий, Гумилёв активно работает как критик, эссеист, теоретик литературы. В статьях и «письмах о русской поэзии» он формулирует свою концепцию творчества: поэт, по его мысли, обязан владеть ремеслом, знать традицию, уметь анализировать чужие тексты. Он полемизирует с символистами, спорит с современниками о значении формы, о необходимости ясности и точности, о балансе между вдохновением и трудом. Эта критическая деятельность дополняет образ «рыцаря с душой скитальца» образом строгого мастера, для которого поэзия — это не стихийный поток, а выстроенный дом.

Личная жизнь Гумилёва, в том числе драматический брак с Анной Ахматовой, ещё при жизни становится предметом пересудов, легенд и домыслов. Однако для понимания его роли в культуре важнее то, как в этой личной судьбе отражается конфликт времени. Человек, ориентированный на идеалы чести, служения, подвига, сталкивается с эпохой революций и сломов, в которой прежние критерии подвергаются сомнению. Гумилёв не принимает новую власть, не разделяет её идей и в итоге становится одной из первых жертв большевистского террора против интеллигенции. Его арест и расстрел в 1921 году по обвинению в участии в вымышленном заговоре символически обозначают завершение одного культурного цикла — Серебряного века — и начало другого, в котором многие имена оказываются под запретом.

Судьба его наследия на протяжении десятилетий отражала судьбу страны. В советское время Гумилёв практически исчезает из официального литературного поля: его книги не переиздаются, имя не фигурирует в школьных программах, отдельные стихотворения распространяются в копиях и перепечатках. Для нескольких поколений читателей он существует как полулегендарная фигура — «расстрелянный поэт», о котором знают по обрывочным сведениям. Такая «полувидимость» парадоксальным образом усиливает

ореол трагичности, но лишает культуру живого контакта с его текстами.

Лишь во второй половине XX века начинается постепенное возвращение Гумилёва в широкий читательский и научный оборот. Появляются исследования, посвящённые его поэзии, переписке, критическим текстам, готовятся и выходят сборники, создаются музеи и экспозиции, связанные с его именем. Это возвращение можно рассматривать как часть более общего процесса восстановления целостности национальной культурной памяти, в которой место отводится и трагическим, и неудобным фигурам. Гумилёв в этом смысле оказывается показательным примером: его трудно встроить в однозначную идеологическую схему, но именно поэтому он важен для понимания сложности русской истории.

Юбилей 140 летия со дня рождения Гумилёва сегодня отмечается выставками, конференциями, поэтическими вечерами в Петербурге, Кронштадте, других городах России и за её пределами. Организуются книжно иллюстративные экспозиции, где показывают редкие издания, рукописи, фотографии, документы, связанные с его жизнью. Проводятся лекции о его роли в становлении акмеизма, о его африканских путешествиях, о связи его поэзии с православной традицией и русской классикой. Всё это свидетельствует о том, что Гумилёв прочно вошёл в круг тех фигур, без которых невозможно говорить о русской культуре начала XX века.

Внимание к Гумилёву в XXI веке объяснимо ещё и тем, что его биография и творчество поднимают вопросы, напрямую соотносимые с современностью. Что значит быть поэтом в эпоху исторических катаклизмов? Как совместить личную свободу с чувством долга перед страной и культурой? Где проходит граница между художественным мифом и реальным опытом? Какую цену платит человек, отказывающийся подстраиваться под логику репрессивной власти?

Гумилёв отвечает на эти вопросы не трактатами, а собственной жизнью. Он не уезжает навсегда, хотя мог бы закрепиться за границей; он возвращается в Россию, участвует в войне, продолжает писать и после революции, не принимая её, но и не отказываясь от поэтического слова. Его финал трагичен, но в культурном измерении именно такая линия поведения оказывается той, которая вызывает уважение и интерес спустя столетие.

К 140 летию со дня рождения Николая Гумилёва мы подходим с существенно иным багажом, чем ещё несколько десятилетий назад. Сегодня его тексты доступны, его фигура исследована, включена в учебные курсы, его имя звучит в публичном пространстве без оговорок. Но вместе с этим возрастает и ответственность за то, как мы его читаем. Гумилёв — не «удобный классик» с гладкой биографией, а автор, чьё творчество требует серьёзного, вдумчивого разговора о связи поэзии и этики, личности и истории, искусства и власти.

В этом смысле юбилей — приглашение к продолжению разговора, начатого ещё его поколением. Разговора о том, каким должен быть поэт в обществе, как культура переживает периоды насилия и ломки, как отдельный человек способен сохранять внутренний стержень в мире, где всё вокруг постоянно меняется. Николай Степанович Гумилёв, «рыцарь с душой скитальца», остаётся важным собеседником в этом разговоре — и потому дата 15 апреля 1886 года продолжает быть не только исторической, но и живой точкой отсчёта.